

Вадим Пугач

Антропный принцип

Вадим Пугач

Антропный принцип

«Геликон Плюс»

2012

Пугач В.

Антропный принцип / В. Пугач — «Геликон Плюс», 2012

Тема Вадима Пугача – современный городской интеллигент, зажатый между вечностью и бытом, между грозной историей и собственным душевным неуютом, – была бы и вовсе невыносимо трагична, если бы не ирония, чуть печальная, но помогающая читателю войти в непростой мир современного поэта. Он не боится стихового эксперимента так же, как он не боится неукоснительного следования высокой поэтической традиции. Никита Елисеев Вадим Пугач – заметный представитель петербургской поэтической традиции, воспринятой им от его прямых учителей – Вячеслава Лейкина и Нонны Слепаковой... В его стихах сохраняется гармоничный баланс между высокой поэтической культурой (в том числе – культурой стихосложения, вниманием к поэтической технике) и смысловой и эмоциональной насыщенностью. Евгений Лукин

© Пугач В., 2012

© Геликон Плюс, 2012

Содержание

Часть I	6
«Вот, ограничен жизнью строгой...»	6
«Любое событие буквальной...»	7
«Молчать и думать не про ужин...»	8
«Есть в молчании некое нечто...»	9
«Меня томит концепт паралича...»	10
«Среди бессмыслицы и бреда...»	11
«Мой век оказался широким и длинным...»	12
«И не родился я, и не погиб там...»	13
«Я теперь обошелся бы и без...»	14
Третья комната	15
«Чудак с патологическим лицом...»	16
«Представим такого профи...»	18
Примадонна	19
Диалог на уроке	21
«Можно отлично жить в деревне, числясь Марьей Ивановной...»	22
Памяти одной экскурсии	23
«Смерть привлекает меня как сюжет...»	24
«Я слово написал и зачеркнул...»	25
«Права на вожденье? Скорей, наважденье...»	26
Стихи о том, как мы с Татьяной Алферовой смотрим видео с записями «Пенсил-клуба»	27
Из записок Пенсил-клуба	28
1. Комарово	28
2. «Анна Каренина», Левин	29
3. Баллада	30
4. Вишневый... сад	31
5. Прощание у Славянки, элегия	32
Часть II	34
«Когда сезон откроют тополя...»	34
«Сам для себя сойду за диагноста...»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вадим Пугач

Антропный принцип

©Пугач В., текст, 2012.

©«Геликон Плюс», макет, 2012.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I

«Вот, ограничен жизнью строгой...»

Вот, ограничен жизнью строгой,
Проходит человек. Пускай
Себе идет. Его не трогай,
Не называй, не окликай.

Он, может быть, один впервые,
Ты дай побыть ему одним.
А вдруг как силы мировые
Схватились именно над ним?

Они вверху шумят, играя,
А он для них и смысл, и ось,
И в нем от края и до края
Все воплотилось и сошлось.

Там и медведицы, и веги, —
Не прикасайся, не убий, —
Там, может быть, такие веки
Похмельный не подымет Вий!..

Там свет грохочет, точно скорый,
Исходит, квантами сочась, —
И как пройти, и час который,
Его не спрашивай сейчас.

Так в поле над сгоревшим просом
Шумят ненужные дожди.
Не подходи к нему с вопросом
И вообще не подходи.

«Любое событие буквальнойней...»

Любое событие буквальнойней,
Чем то, что буквально на вид.
Меж молотом и наковальной
Густеет, как сталь, алфавит.

Мы знаем в цепи поколенной
Героев, воюющих мир;
Не ими ли книга вселенной
До черных зачитана дыр?

Мы видим: они разнолицы,
Но равно запачканы там,
Где пеплом сгоревшей страницы
Штаны опалил Мандельштам.

И все это было б неважно —
Огней и агоний парад,
Но дни, по природе бумажной,
Как рукописи, не горят.

И все это было б забытей,
Чем в парке оставленный зонт,
Когда бы не слов и событий
Оплавленный горизонт.

«Молчать и думать не про ужин...»

Молчать и думать не про ужин,
Скользить, еще не встав на лед,
Во всем, как в россыпи жемчужин,
Провидеть радужный налет.

Покуда смехотворный разум
Счета, как стекла, выставлял,
Колющий холод дикобразом
Стальные иглы выставлял.

Твой мир огромен и заумен,
Однажды взорван и раздут,
И в нем феномен или нумен
К тебе на помощь не придут.

Помогут ли фермент сычужный
И млечный мелочный продукт,
Когда в галактике жемчужной
Ты нитью черною продут?

Когда ты состоишь из нитей,
Когда вопрос таишь в тени —
Каких еще тебе наитий? —
Молчи и руку не тяни.

«Есть в молчании некое нечто...»

Есть в молчании некое нечто;
Мысль извилиста, слог нарочит.
Так и так произносится речь-то,
Только глуше и меньше горчит.

Так и так выползают из логов
И выпархивают из часов
Отголоски моих монологов
И фантомы чужих голосов.

И гудят над условной периной
Перелай, перещелк, перепал,
Чтобы птичьей тоски и звериной
Недомолвок и мне перепал;

Чтобы чувствовать только, что алчем, —
Я ведь тоже бурлил и алкал
И в своем простодушье не знал, чем
Оправдаться, когда замолкал.

А теперь не ищу оправданий,
Онемев до сведения скул,
Ибо что может быть богоданней,
Чем молчания шепот и гул?

«Меня томит концепт паралича...»

Меня томит концепт паралича.
Я тщетно повторяю: масло, масло,
Как будто горло повредил, леча,
Как будто механизм ума сломался.

Гармонию нам дарит парадокс,
Как запахи, выветривая недо —
Умения, и острый холодок с
Ухмылкой разоблачает небо.

Не паралич томит меня – концепт,
А паралич быть отчеством не хочет.
Тогда и начинается концерт,
Гармония бушует и грохочет.

И воют псы, и бредит ураган,
И комсомольцы сеют кукурузу,
И страшный синаптический орган
Выносит мозг, как океан – медузу.

Когда зайдется ворон на плече,
Шепну себе про все свои концепты:
Без мысли этой о параличе
Чем утомился, дуралей, в конце б ты?

«Среди бессмыслицы и бреда...»

Среди бессмыслицы и бреда,
Безумия и беготни
Ночь, улицу, фонарь, Толедо
И каплю воздуха глотни.

Закрой глаза, нажми на веки,
Пройди сквозь проплески и свист,
Очнись в четырнадцатом веке
Как королевский финансист.

Оплачивай забавы щедро,
Капризы зная назубок,
Покуда твой кастильский Педро
Порхает, точно голубок.

Вокруг него придворных сотня, л —
Ови их ненависть, еврей,
Покуда кто-нибудь не отнял
Дочь. Нет, обеих дочерей.

Как будто их, как некий дар, дав,
Тебя же обрекли дрожать,
Пока любовникам бастардов
Они готовятся рожать.

Опасность над тобой нависла,
Неотвратима и груба.
Полна значения и смысла
Твоя толедская судьба.

Луна маячит над кварталом,
Ее попробуй – обесточь
И по столетьям, как по шпалам,
Проковыляй в другую ночь.

А кто ты там на самом деле —
И самого, и дела нет,
Пока ты шаркаешь в тоннеле,
Теряя тот и этот свет.

«Мой век оказался широким и длинным...»

Мой век оказался широким и длинным;
Примерка чревата надрывом, надломом,
И свет, постепенно сходящийся клином,
На юг пролетает над домом, над домом.

Не то чтобы страсть у него роковая
К какой-нибудь Африке там, Индостану,
Но руку тяну и краев рукава я
Никак не достану, никак не достану.

Не знаю, за что я настолько не вырос,
Зачем не хватает лица на парсуну,
Но шею тяну, и не близится вырез,
В который никак головы не просуну.

Я света не вижу, экзамен экстерном
Сдаю, объясняя, что звезды померкли.
Не я оказался таким безразмерным,
А век, получается, мне не по мерке.

Я мал ему, тьма обложила, как вата,
И в лампе ни ватта, и свет не воротишь.
Ну вот, говорил же, примерка чревата,
И я в балахоне как чей-то зародыш.

Я время забуду – и это, и оно,
Свернусь, точно полоз, сгнию, точно колос;
Тогда и раздастся: «Да ладно, Иона,
Мне просто хотелось услышать твой голос».

«И не родился я, и не погиб там...»

И не родился я, и не погиб там,
И резко не менялся, становясь,
Но отчего-то чувствую с Египтом
Ничем не отменяемую связь.

Что мне его высоты и низины —
От пирамид и до могильных ям, —
Домов недоплетенные корзины
С торчащей арматурой по краям?

Нет, я иными снами наполнялся
И из иных посылок исходил,
Когда опять с работы увольнялся,
Как будто из Египта исходил.

Пока еще упрямый дух исхода
Ведет меня, связуя и горя,
Жива моя последняя свобода
Сжигать мосты и раздвигать моря.

«Я теперь обошелся бы и без...»

Я теперь обошелся бы и без
Мизансцен, декораций, кулис;
Без того, чтобы слушать, как чибис
Репетирует выход на бис.

Пусть луна, выцветая над полем,
Указует на быт угловой.
Мы не пашем, не сеем, не полем,
Только слышим, как дрозд луговой,

Призывая подругу к зачатию,
То ли чавкает, то ли скрипит,
Точно этой звучащей печатью
Он свое сообщение скрепит.

Я подслушиваю – и от скрипа
В узких прорезях сонных пустот
Возникают египетский скриба,
Чибис, ибис, и Тот, да не тот.

То ли буквы незначимы, то ли
Сновидение проще, чем му,
Для однажды попавшего в поле
Притяженья бог знает к чему.

Совпадение знака и злака —
В прописной перспективе строчной.
И чухонский Анубис, собака,
Воет, воет, как неручной.

Третья комната

В комнату войду – забуду с чем —
И стою, к двери прижат.
В позапрошлом недобудущем
Вещи мертвые лежат.
Как солдаты, розно тающие
На последнем рубеже, —
Знаки жизни, означающие,
Что они не жизнь уже.

То веревка, то картина,
То подкладка из ватина,
Веер, маска, карнавал,
Только пыль да паутина,
А за ними – все едино,
То каверна, то провал,
То инкубы, то суккубы —
Как в распавшиеся губы
Пустоту поцеловал.

«Чудак с патологическим лицом...»

Чудак с патологическим лицом,
Нелепо вытянутым, одутловатым,
В автобус вполз и присоединился
К экскурсии.
Он явно мне кого-то
Напоминал. Судите сами.
Начнем с волос.
Черны, и жидки, и нечисты,
Они почти до плеч спадали; шея
Была короткой, и на ней наверхен
Какой-то шарф. И в цвет волос пальто
Вмещало мешковатую фигуру.
Очки-хамелеоны,
которые от солнца
Бывают ослепительно-черны,
В автобусных потьмах его глаза
И не скрывали, и не обнажали,
Зато ухмылка обнажала зубы
В венце несвежих, с желтизной, клыков.

Два дня за ним я наблюдал. Я видел,
Как в церкви плохо сделалось ему
(Он резко реагировал на ладан);
Как суп он по тарелкам разливал
(Вегетарианцем будучи,
он мясо из кастрюли
Подкладывал другим, а сам смотрел,
Облизывая сохнувшие губы,
Как мы едим – так алкоголик,
Подшитый, как газета, и такой же серо-желтый,
Следит за тем, как пьют товарищи его).
Я стороной узнал,
Он пережил клиническую смерть.
(Вот сочетание, что вызывает образ
Клинка, входящего в грудную клетку
По рукоять).
Когда чудак обмолвился, что он
Работает в театре, я подумал:
Да кем он мнит себя?
Мельмотом, демоном, вампиром?
Ну, если демон, то из самых мелких,
Ничтожных и бездарных, вроде тех,
Которых обжегивал Балда,
Кто вьется в снеговом столбе
И тянет лапки к неопрятным ведьмам.

Я присмотрелся к тени – тень была.
Он сам был тень, и только.
Тень упырька. Хотелось крикнуть:
«Кто кинул тень свою?»
Но он не понял бы меня,
А тот, от тени отказавшийся, – я знаю, тот бы не услышал.

«Представим такого профи...»

Представим такого профи —
Разведчик перед войной
Потягивает свой кофе,
Маленький, но двойной,

Играет с соседом в шашки,
Одерживает над ним
Победу – и вновь по чашке
С дном – маленьким, но двойным.

Допустим, он ждет агента,
Чудака в полосатых носках.
Стучит новостная лента
В тяжелых, как гири, висках.

И ведет политика Сталина
К катастрофе и пустоте.
И он видит, что явка провалена,
И носки на агенте не те.

Расставаться будет непросто
И с ним, и с его женой.
Но у них перспективы роста
Нет – ни маленькой, ни двойной.

И скажите, зачем радист вам?
Молчанье станет связным.
День заканчивается убийством,
Тоже маленьким, но двойным.

Он исчезнет на дне колодца
Жизни, маленькой и двойной,
И потом уже не найдется
Той ли, этой ли стороной.

Ни к чему его не ревную
И при случае не бодну.
Даже маленькую, но двойную
Я не прожил бы. Мне б одну,

Точно черточка в апострофе,
Жребий, участь, доля, стезя, —
И довольно. И чашку кофе.
Жаль, что кофе почти нельзя.

Примадонна

Примадонна жаловалась на соседей
И о них говорила такое:
– Один – настоящий грузчик,
Другой – грубиян,
Третий никогда не здоровается,
А четвертый вообще алкоголик.

Можно сказать иначе:
– Один сильнее других,
У другого отрывистый голос и решительные манеры
(Сказалась десантная молодость),
Третий (актер по профессии) не слыхивал опер,
А четвертый любит беседы с друзьями.

Можно иначе сказать:
– Один из соседей – мой друг,
Другой – мой товарищ,
Третий бывает моим собутыльником,
А четвертый – я сам.

Иначе, можно сказать,
Сам я – каждый из них:
Силы пусть и неважной, но грузчиком был;
В десанте представить меня невозможно,
Но энергично выразиться сумею;
Не актер, но лицо на площадке
(не сценической, лестничной),
Бывает, едва разгляжу;
Выпить люблю, хотя не до дрожи в коленках.

Ах, примадонна, примадонна!
У нее такое сопрано,
Что, слышав его, мой друг напрягает мышцы,
Мой товарищ ругается и ломает брови,
Мой собутыльник таращит глаза и спрашивает, что случилось,
А я замираю в ужасе и восторге, и хочется выпить.

Господи! Ты каждому открываешь кредит —
Кому в талант, некоторым в два, лучшим – в три или больше.
Благодарю, что ты окружаешь меня теми, кто может
Поднимать тяжести,
Резать правду в глаза,
Делать смешное лицо,
Наконец, петь как ангел и говорить о нас всякое,
За что я и предлагаю выпить.

Диалог на уроке

Я – объявление. Я кричу: пропала
Девочка, затем щенок, затем
Пропало все. Еще немного...
И тут вмешивается Маша,
Произносящая отрезвляющую фразу:
«Ну, пока-то все нормально».

Я – почва под ногами. Я горю
(С напалмом напали на пальмы),
Земля на грани. Еще немного...
И тут Маша
Вставляет свое коронное:
«Ну, пока-то все нормально».

Я – чемодан с тротилом. Только тронь —
И я взорвусь, и пол(-)аэропорта
Покроют трупы. Еще немного...
Но, само собой, встречается Маша
С этим несомненным:
«Ну, пока-то все нормально».

Я ядерный реактор, я пылаю,
Мой стержень плавится. Я множу
Невидимую смерть. Еще немного...
И я скажу:

Все полого и покато,
Тишина твоя крахмальна.
Ну, нормально все пока-то,
Ну, пока-то все нормально.

От рассвета до заката,
От заката до рассвета,
Ну, нормально все пока-то
(Вампиры и Тарантино не считаются),
То есть (я опять перехожу на крик), все нормально это?!

И пошел, и пошел, и кричу:
Пропала девочка...

«Можно отлично жить в деревне, числясь Марьей Ивановой...»

Можно отлично жить в деревне, числясь Марьей Ивановой,
Быть негрityнкой из племени Ах, обретаясь рядом с саванной,
А то индианкой плести корзины в предгорьях Анд.
Но кто-то живет на земле, прозываемой Обетованной:
Это моя еврейская мама выбирает такой вариант.

Вот так Диоген, вероятно, обрастал своим пифосом,
как оболочкой,
Вот так зародыш листа оборачивается почкой,
Как жильё бутылку «Узо» облюбовывает анис.
Моя еврейская мама живет в сарае, что характерно,
на едином уровне с почвой,
Даже несколько глубже – ступенька вниз.

Эти стены из хлипкого пластика – почти насекомый кокон,
Тут хранятся запасы пищи на случай жизни, но нету окон;
Впрочем, именно это в каком-то смысле провоцирует аппетит.
Если бы в это жилище (Господи, повремени) явился ангел,
кого бы тогда уволок он?
Думать не хочется, что за бабочка улетит.

Вот за терновым кустом притаился отнюдь не Господь,
а какой-нибудь левый Усама;
Что не так уж и страшно, поскольку всечасно бодрствует само —
Оборона, и наши не пашут уже на волах.
Но в соседнем городе два минарета направлены в небо,
как два кассама,
Они ко всему готовы, их цель – Аллах.

Я никого защитить не умею. Выслать денег?
Так они – ее же. Хотела, чтобы привез веник —
Показалось смешным, как будто и сам, без веника, не нелеп.
Я вхожу в ее комнату – так, точно спускаюсь, нарезая круги,
на тысячу тысяч ступенек,
Туда, где моя еврейская мама для меня нарезает хлеб.

Памяти одной экскурсии

Нивы сжаты, рощи голы,
Будем в рифму брать глаголы
И не требовать венца;
Полно мне гулять на свете:
Тятя, тятя! Наши сети
Притащили мертвеца.

Господин из Сан-Франциско,
Канцелярская отписка,
Спит на полке боковой;
Мчится поезд, вьется поезд,
Агрессивен и убоист,
Как солдат еще живой.

Поезд в форме цвета хаки
Реагирует на знаки:
Тут идти, а там – стоять.
Господин не отвращает,
Но глазами отвращает —
Стоп-машина-рукоять.

Эй, Иван Ильич, куда ты?
Мы с тобой еще солдаты;
Это край – а в том краю,
Слышишь, олух, нет вожатых,
Нив неголых, рощ несжатых
Тоже нету, мать твою.

«Смерть привлекает меня как сюжет...»

Смерть привлекает меня как сюжет;
Только меняешь завязку.
В эти-то воды однажды вошел,
Ими я сыт под завязку.

Новый дается глоток тяжело,
Пусть и с намереньем скользким.
Сколько «ты жил», «ты жила», «ты жило»
Скажешь, а главное – скольким?

Лучше, ей-богу, совсем замолчать,
Чем разоряться, что все там...
Лучше печать на устах, чем печать,
Выполненная офсетом.

Там, под водой, где лучи не палят,
Легкие сменишь на жабры.
И замечаешь – уже веселят
Всяких кадавров макабры.

Помню такого, он был молодой,
Жизни не вынес ненастной.
А торговать примерялся водой,
Правда, другой – ананасной.

Я ж наблюдаю вокруг торжество
То красоты, то морали.
Стихотворенье не стоит того,
Чтобы друзья умирали.

«Я слово написал и зачеркнул...»

Я слово написал и зачеркнул,
Как бы ладонью воду зачерпнул,
А пить не стал, отправил дальше литься.
Но слово не журчало под кустом,
Ворочалось, ворчало под крестом —
Бывают же у слов такие лица!

Так умершему хочется домой,
И вот он, как сравнение, хромой
Обратно ковыляет ковылями.
Но на ступенях не растет ковыль,
И плакальщица спросит: «Это вы ль?» —
Закусывая ломтиком салями.

Здесь все уже иным обретено,
И слово на уход обречено
И скрыто, как метафора, под дерном.
Вот так Полоний обретал судьбу
И кое-как дошучивал в гробу:
Кто был коверным, станет подковерным.

Зачеркнутый опасен, как рожон.
Со всех сторон словами окружен,
Урон пытаюсь выставить уловом,
Цепляюсь что есть сил за острия
И наконец-то понимаю: я
Уже написан и зачеркнут, словом.

«Права на вожденье? Скорей, наважденье...»

Права на вожденье? Скорей, наважденье
Находит, да так, точно кто-то позвал.
Слова-то какие: развал и схожденье,
Развал и схожденье, и снова развал.
Два месяца жить на краю детектива,
Качаться, как ива, на этом краю,
Следить между строк криминального чтива
Ментовскую сводку и участь свою, —
Вот счастье, вот право, как Пушкин говаривал,
Слегка осекаясь на желчном смешке,
И то не тогда, когда жженку заваривал,
А скромно склонялся над щами в горшке.
Когда ты клопочешь слюною обильной,
Когда петушишься почти на ноже,
От вулканизации автомобильной
С ума не сойдешь, потому что уже
И так существуешь, как лес на вулкане,
И только тогда обретаешь покой,
Когда под рукой расползаются ткани,
И слава дурная, и лава рекой.
Живи, точно в клипе, да только едва ли ты
Поймешь и оценишь гостей по бокам,
И свадьба чужая, и скатерти залиты
Каким-то рассолом, но липнут к рукам.
Не ливнем секло, не из мрамора высекло,
Но горло сжимало, покуда могло.
Сухое отмокло, и мокрое высохло —
И жить уже нечем, когда отлегло.

Стихи о том, как мы с Татьяной Алферовой смотрим видео с записями «Пенсил-клуба»

В комнате становится теплее.
Или холоднее? Я никак
Не пойму. И здесь, и на дисплее
Разливаем водку и коньяк.

Постепенно стану переростком, —
Путь во время неисповедим,
Точно виртуальный – по бороздкам,
Где просторы диска бороздим.

Мы смеемся. Те и эти трели
Как кусочки жира в колбасе.
Дело ведь не в том, что постарели,
И не в том, что живы мы не все.

Дело в том, что прошлое, как воин,
В плен берет, маячит за плечом,
Потому что облик наш присвоен
И в темницу диска заключен.

Мы не мы, а то, что отпустили
Погулять на волю из тюрьмы, —
Сообщенье в телеграфном стиле:
«Хорошо сидим. Приветом. Мы».

Или в невозможное играем
И идем на сумасшедший риск —
Наблюдать за настоящим раем,
Вписанным в блестящий этот диск?

Что же я, тоскуя, прооору им —
Нам, осуществившимся в былом,
Там, где мы, бессмертные, пируем
За огромным жертвенным столом?

Из записок Пенсил-клуба

1. Комарово

Что ждет поэта в Комарове?
Не ждет поэта ничего.
Ему грядущее – не внове,
Его прошедшее – мертво.
Он прямо Лермонтов какой-то
Или Державин прямо он,
Когда, как будто из брандспойта,
Он смыт, как грязь, рекой времен.
Он потрясал устои словом,
В нем жизнь кипела, как в борце, —
И вдруг он дедушкой Крыловым
В штаны наделал во дворце.
Чугунной палкою потыкав,
Он брал Азов, спасал Арал,
Заболевал он, как Языков,
Как Баратынский, умирал.
Когда же, шляпу нахлобучив,
Идет в писательский буфет —
Тут он какой-то прямо Тютчев,
Чтоб не сказать похлеще – Фет.
Тут он, конечно, ас из асов,
Кобель изысканных пород.
Стакан – и он уже Некрасов,
Второй – и все наоборот.
Когда он все же отдыхает,
То издает то хрип, то рев.
Он, как Апухтин, опухает,
Сгорает, точно Огарев.
Бывает буен и покорен,
Употребив одеколон,
Почти как Майков и Григорин
Или Полонский Аполлон.
Он унимает дрожь коленков,
Когда косого он косей,
Он со Случевским – Давыденков,
С К.Р. же – только Алексей.
Он петербургский и московский,
И угадать нельзя, каков —
То он под вязами Жуковский,
То Вяземский среди жуков.

Бывают странные события,

Их суть не всякому ясна, —
Он, — начинаю говорить я
И понимаю, что — она...
И молкну на тропе народной,
Теряюсь в хоре подпевал,
Как волк с волчихою голодной,
Той, от которой пьян бывал.
И слышу: Пушкина не трогай
И Дуне (вариант: Тане), расплескавшей чай,
Ты никогда моралью строгой
Не докучай, не докучай.

2. «Анна Каренина», Левин

Нине Савушкиной
Если после мысли о Вицли-Пуцли
Усомнишься в разуме — мол, не куц ли? —
Если станешь кроток и тут же гневен,
Значит, ты и есть этот Костя Левин.

Если ты не бежишь за любой куклой,
А влюблен в пионерку с губою пухлой,
Жениха пионерке готовит мама,
Пионерка крутит тебе динамо
И встречает радушно другого гостя,
Значит, ты и есть этот Левин Костя.

Если пива не хлещешь, не жрешь шаверму,
А в глухой деревне заводишь ферму,
Ни к кому не ходишь с вином и тортом,
Разговоры длишь с мужиком упертым
Не о сексе, нет — не о нем, проклятом, —
О косьбе, помоле, любви к телятам, —
И во всем наука, прогресс и метод, —
Значит, ты и есть Костя Левин этот.

Если ты забыл про прогресс с наукой
И в леса уходишь с ружьем и сукой,
А потом не вспомнишь — в жарком ли, в супе ль
Потеряли крылья бекас и дупель,
И, с медведя свежую срезав шкуру,
На обед к Облонским поедешь сдуру,
Где — хоть жизнь коверкай, по лесу шастай, —
С пионеркой встретишься — той, губастой,
И тобою новый период начат, —
Ты и есть этот Костя Левин, значит.

Если ты женат, и с женой святыми
Вы хотите быть, чтоб тебе с витыми
Не ходить костями на лобном месте,
Если ты в натуре невольник чести;
Если ты не сторож больному брату
И стремишься скорей понести утрату,
И жена твоя понесет скорее,
Чем колготки сохнут на батарее;
Если, как наукой себя ни мучай,
Остаешься тот же мужик дремучий,
Как, должно быть, предок был при Батые, —
Этот Костя Левин есть, значит, ты, и

Широко вдохни, улыбнись румяно,
Обретая веру в конце романа,
Рассердись на шофера, поспорь некстати,
Обвини жену, помолись в экстазе
И твори добро, как, Толстому вторя,
Завывает Шура в кабаках у моря.

Ты не станешь лучше, прекрасней, чище,
Но такие вещи – навроде пищи.
Если в рот полезло, то все полезно.
Пищевод. Желудок. Кишечник. Бездна.

3. Баллада

Петух сдавал однажды кросс,
Показывая прыть,
Взбежал он прямо на навоз
И начал оный рыть.
И гусь какой-то произнес:
– Его ведут казнить.

Глагол времен, металла звон —
Не все ли нам равно;
Он жив, а все ж пойдет под нож,
Иного не дано.
Но поднял стон малютка Джон
Жемчужное зерно.

Он голосил что было сил:
– Зачем его казнят?
Казните маленьких ягнят
И сереньких козлят,
Топите слепеньких котят,
Что гадят, где хотят.

Молчит петух, и взгляд потух,
Он позабыл про кросс,
А бедный Джон, что погружен
По темечко в навоз,
Пошел на дно и как зерно
Оттуда не пророс.

Мы все топили, как могли,
Своих подруг и жен,
Ведь может быть любой из нас
Любимой раздражен.
Но не пускайте петуха,
А прите на рожон.

Пусть мир в огне, но если мне
Любимая верна,
С ней заодно уйду на дно
И даже глубже дна,
Туда, где жареный петух
Прошел путем зерна.

4. Вишневый... сад

Еду ли мимо ли цвета вишневого ли,
Сыт ли я, голоден, ласков ли, груб,
Все вспоминается, как мы основывали
Английский, шахматный, пенсил ли клуб.
Вижу ли темную воду ли невскую,
Чахлый газон и на нем деревцо,
Все мне мерещится, будто Раневскую
Я узнаю в дорогое лицо.
Через Тучковы ли, Львиные, Аничковы
Перехожу ли, другие мосты,
Припоминаю восторги я Анечковы;
Анечка, Анечка, помнишь ли ты?!
Если поленом кого отоварили
И волокут в непроглядную ночь,
Бледное личико вижу не Вари ли,
Той, что Раневской приемная дочь?
Памятник чей-то, рука ли, нога его,
Взгляд его грозен, гневлив ли, лукав —
Напоминает мне Ленечку Гаева,
Речь огневую и гаевский шкаф.
Чу! В подворотне собаки залаяли,
Сук с кобелями несметная рать.
То не Лопахина ли Ермолая ли

Голос зовет музыкантов играть?
Едут пожарные. Сладкого дыма вам!
Едет милиция – ясного пня!
Кто же другой нашим Петям Трофимовым
Будет калоши таскать из огня?
Вижу ль фигуру на ящике сыщика,
Ухнули тыщи-ка! Ну, их сыщи!
Все состоянье помещика Пищика
В землю ушло, в плауны и хвощи.
Встречу ль фотографа – сам его сфоткаю,
Вон приспособился рядом с дворцом.
Помню, они с гувернанткой Шарлоткою
Вместе хрустели одним огурцом.
Еду ль, ползу ль, нарушаю ли, вправе ли,
Вечно неловок, всегда неумен,
Что же вы все на меня-то оставили,
Это же я – Епиходов Семен!
Я неудачник, так ешь меня с кашею,
Я ведь ошибся бы даже в азах,
Что ж, презирай, точно Яша с Дуняшею,
Роман крути у меня на глазах!
Вырвусь на волю и выйду к Неве ли я,
К Мойке, Фонтанке, на мыс ли, на пирс,
Это не Варя, а я тут Офелия,
Буду тонуть, забываться, как Фирс.
Сдохну – не выпишут даже квитанции,—
Умер, мол, значит, пора на покой,—
Даже прохожий с начальником станции
Или почтовый чиновник какой
В ус не задуют, не чувствуя прибыли
(Пусть даже каждый из них и усат),
Травы ли, рыбы ли скажут: мол, прибыли?
Убыли, то есть? Пожалуйте в сад.

5. Прощание у Славянки, элегия

Веронике Капустиной
Гуляя по брегам, петляя меж холмами,
Не хижины люби, не ненавидь дворцы,
Но вспомни о родных – о бабушке иль маме,
Которы для тебя солили огурцы.

Зима уж на дворе; скользит закат по селам;
Веселых пташек нет, одни вороны лишь.
Оставь обиняки. Подумай, чьим рассолом
Наутро ты себя – больного – исцелишь?

Болезни вижу одр... Кругом глухие стены,
Все простыни в поту, и мрак в глазах свинцов.
Посмотришь ли в окно – там снегом заметенны
Кусты стоят рябин, но нету огурцов.

Вспомни лето, о! Еще совсем недавно
Клевали все подряд голодные скворцы.
Ты игры наблюдал дриады или фавна,
И зрели в парниках зелены огурцы.

Пупырышки на них росли и наливались,
И вся земля была видна и не пуста,
Когда с тобою мы наливкой наливались
До первых петухов и третьего листа.

О, мы тогда с тобой в такое проникали!..
И что теперь? Увы! Лишь саваны и тлен.
Чей остов виден там, – скажи, – не парника ли?
Где зелень и земля? Где полиэтилен?

И живы ль мы еще, уже не обладая
Тем самым огурцом, который всем знаком?
Ведь он отговорил, как роща золотая,
Пупырчатым своим, зернистым языком!

Как можете глотать копченых устриц слизь вы,
Развратно потреблять мадеру и коньяк,
Когда на берегах Славянки или Тызвы
Нам с другом огурца не выискать никак?

Одной мечтой дыша, мы берега обыщем,
А как пахнет мечтой – то лучше не дыши.
И, постояв в слезах над Павловским кладбищем,
Мы побредем туда, где он взрастал в глуши,

Где были огурец, и Камерон, и Бренна,
И папильон в соплях, и Аполлон в снегу.
Настал ему конец, и помер он, и бренна
Истлела кожа... Прощай, прощай, огу...

Часть II

«Когда сезон откроют тополя...»

Когда сезон откроют тополя
И не земля, а воздух станет пухом,
Единое на части не деля,
Расстанемся со зрением и слухом.

И вот, глаза и уши, отшуршав,
Стрекозами и бабочками станут,
А ближний мир окажется шершав,
Пока пододеяльник не натянут.

Я ничего не режу, не дроблю
И только, булькая по альвеолам,
Люблю тебя и знаю, что люблю
Становится неправильным глаголом.

«Сам для себя сойду за диагноста...»

Сам для себя сойду за диагноста:
Плоть немощна, душа идет в распыл.
Нам на двоих почти что девяносто;
Откуда ж этот неприличный пыл?

Я не хочу придумывать гипотез, к —
Ромешный рай с абстракцией сличать;
Мы друг на друге оставляем оттиск —
И кто из нас конверт, и кто — печать?

Нам голос был, определен и внятен,
Не придавать значенья мелочам,
Последовательность бугорков и вмятин
Взаимно изучая по ночам.

И вот, когда действительно свинтило

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.